

Елена Попова

Счастье

Драма в двух частях

История первая

М а р и я.

Г е л я.

Р у б и к.

М и х е л ь.

Г л е з е р.

З я м а.

И з р а и л ь.

С а р а.

К о н о в а л о в.

Т ю х и н.

П а ш а.

В р а ч.

М а р и я. Меня зовут Мария. Так звали мать вашего Бога. Мои предки жили на этой земле много веков, поэтому ваш Бог мне не был чужим. Скоро после моего рождения мать дала мне второе имя — Нахас, что на идише значит “счастье”. Она говорила мне, что я пришла на эту землю вестником мира, что я уцелела чудом, а все уцелевшие в этой войне — посланцы мира, вестники счастья, и должны идти по земле, как бы сжимая в руке оливковую ветвь. Я родилась осенью тысяча девятьсот сорок первого года, но еще не рожденная, я видела и понимала все.

Я, Мария-Нахас, свидетельствую..... Двадцать второго сентября жителям нашего местечка приказали собраться на площади. В два часа ночи к моим родителям пришел мой дядя Рубик, брат матери. Мой отец был на тридцать лет старше нее.....

Дом Гели и Михеля.

Р у б и к (*тихо стучит в дверь*). Это я, дядя Михель... Это я, откройте!.....

М и х е л ь. Кто?!

Р у б и к. Я, дядя Михель, Рубик, быстрее!

Г е л я. Это Рубик! Открой!

М и х е л ь. Что ему надо ночью?

Г е л я. Открой, Михель..... Открой!

Входит Р у б и к.

Р у б и к. Гелька! Дядя Михель! Собирайтесь. Берите, что можете унести. Полегче.

М и х е л ь. Ты что, с ума посходил?

Р у б и к. Это вы с ума посходили. Завтра здесь всех постреляют.

М и х е л ь. Кто?

Р у б и к. Немцы.

М и х е л ь. Немцы? Немцы — это Гете, Бетховен, Шиллер. Немцы — это Шопенгауэр, Карл Маркс. Ты с ума посходил.

М а р и я. Я, Мария-Нахас, свидетельствую..... Мой отец, учитель, знал все на свете. Но он не знал жизни.

Р у б и к. Делайте, как хотите. Гельку я заберу.

Г е л я. Пошли, Михель, не упрямясь. Рубик знает.

Р у б и к. Быстро, быстро!

Г е л я (*растерянно*). Что взять?

Р у б и к. Золото возьми, белья. Идти далеко.

Михель берет две тяжелые книги.

Оставь, дядя Михель! С ума посходил! Какие книги! (*Бросает книги в угол.*)

Ребенок родится, белье нужно. (*Вытаскивает из шкафа простыни, скатывает в узел, сует Михелю.*)

Г е л я. Рубик, а папа с мамой?

Р у б и к. Они не пойдут. (*После паузы.*) Папа не может, мама с ним осталась.

Г е л я. Как я..... без них? (*Заплакала.*)

Р у б и к. Тихо! Тебе ребенка надо рожать. Папа с мамой сказали: для всех нас главное — он. Тебе плакать нельзя.

Г е л я (*после паузы*). Кто еще пойдет?

Р у б и к. Дядя Зяма с тетей Ривой, Гальперины, Гельман, Израиль Рубин, Исаак..... Все с нашего края.

М и х е л ь (*растерянно*). Геля, Геля..... я очки потерял.....

Ищут очки.

Р у б и к. Да вот они! Пошли.

М а р и я. Двадцать второго сентября жителей нашего местечка вывели на окраину, к реке и..... расстреляли. Моего деда убили прямо в постели, а когда бабушка закричала и бросилась ему на грудь, ее убили выстрелом в

спину. Я видела это. Вечером мой дядя Рубик привел моих родителей в партизанский отряд.

В отблеске костра молчаливые, скорбные фигуры беженцев. На первом плане командир партизанского отряда Коновалов и его заместитель Тюхин.

Коновалов. Что там за люди?

Тюхин. Рубик привел, с местечка.

Коновалов. Жиды, что ли?

Тюхин. Жиды.

Коновалов. Чем я их кормить буду? Что я с ними делать буду? От себя отрежу?

Тюхин. Жилистый ты, Петрович. О тебя только зубы сломишь.

Коновалов. Ладно скалиться, Тюхин. Куда мне балласт этот? Скажи, чтоб с Центром связались. Были б помоложе, в отряд бы взял. Так старики одни. Чем я их кормить буду? Пусть скажут: старики одни. Куда мне балласт этот? Знаешь, что в Японии со стариками делают?

Тюхин. Ну?

Коновалов. Сажают в корзину и несут на гору.

Тюхин. Зачем?

Коновалов. Чтоб помирали себе там..... Никому жить не мешали.

Тюхин. Брешешь..... Не может того быть, Коновалов!

Коновалов. Ей-богу! Слыхал.

Тюхин. Звери ж эти японцы!

У костра. Пламя освещает Якова Глезера.

Глезер (*раскачиваясь, бормочет*). Розочка моя! Вы, конечно, помните мою Розочку? Все тебя помнят, Розочка, все тебя любят. Все плакала моя Розочка — деточек Бог не дал! А теперь радуюсь я, так радуюсь.....

Спасибо тебе, Господи! Куда б теперь делись наши деточки! Розочка весной умерла, горе-то какое! Ой горе-горе! А теперь радуюсь я! Что б с тобой было теперь, моя Розочка, что б было с твоими ножками.

Голоса. Тише..... тише..... тише.....

Глезер. Ой горе-горе, ой горе! Спасибо тебе, Господи, спасибо! Что б было, моя ты Розочка, с нашими детками, что б было с твоими ножками!

Все. Тише..... Тише.....

Коновалов спит, завернувшись в тулуп. Подходит Паша, садится рядом.

Коновалов (*тут же просыпается*). Ну?

Паша. Грибов не принес. Десять кэмэ до Микулич. Два на брюхе. Пусто.

Коновалов. Чай пил?

Паша. Пил.

Коновалов. Дело до тебя есть, Паша.

Паша. Ну.....

Коновалов. Видишь, вон.....

Паша. Ну.....

Коновалов. Жиды с местечка.

Паша. Слышал. Там их всех постреляли.

Коновалов. Эти утекли. Теперь надо в тыл вести.

Паша. Смеешься.

Коновалов. С Центра сказали. Должно быть, там тоже жиды.

Паша. Вот пусть они и ведут. Троцкий жидом был?

Коновалов. Был.

Паша. Кто еще?

Коновалов. Каганович.

Паша. Тоже жид?

Коновалов. Тоже.

Паша. Вот пусть они и ведут!

Коновалов. Сентябрь кончается. В лес надо подальше. С какой стороны ни возьмись, куда нам этот балласт.

Паша. Вот пусть сами и ведут! (*Пауза.*) Сколько я тебе “языков” перетаскал! Грибов этих. Да я весь порезанный!

Коновалов. Я и говорю: некому, кроме тебя.

Паша. Дядька Семен!

Коновалов. Приказ это. Приказ не обсуждается. Поспи часов до трех, в три разбужу. (*Уступил Паше свое место, вынул кусок хлеба, протянул.*)

Паша (*отмахнулся*). Сам ешь!

Коновалов. Жидами их не зови. Они этого не любят.

Паша (*раздраженно*). А как звать-то?

Коновалов. Зови “еврей”.

Глубокая ночь.

Уважаемые товарищи евреи! С Центра получен приказ переправить вас в тыл через линию фронта. В провозатые даем вам лучшего нашего бойца и паек — хлеб с салом.

Т ю х и н. Так это ж евреи, они сала не едят.

К о н о в а л о в. Ничего, жрать захочут, съедят. *(После паузы.)* Идти будете по ночам, днем ховаться. Боец Коновалов Павел местность знает, слушаться его, как Господа Бога. *(Пауза.)* Ну..... Матери твоей что сказать?

П а ш а. Да пошел ты.....

Т ю х и н. Рубик, ты что, тоже идешь? Я ж говорил, все они трусы.

Р у б и к. Я не трус!

Т ю х и н. Что ж драпаешь, если не трус? Со старичьем драпаешь!

Р у б и к. Товарищ командир, разрешите сестру проводить?

К о н о в а л о в. Не много провожающих?

Р у б и к. Я родителям слово дал. Может это все, что от нашей семьи останется.....

К о н о в а л о в. Вернешься?

Р у б и к. Богом клянусь!

П а ш а *(подошел к Геле, стянул платок, закрывающий живот).* Что?! Этих жидов вон сколько, еле ползают! Так еще девка беременная!

К о н о в а л о в. Не рассуждать. И евреи, евреи, не жиды, а евреи. Ну, с Богом!

П а ш а. С каким Богом? С нашим или их?

К о н о в а л о в. А с каким есть.

В темноте движется группа людей. По одному, по двое, поддерживают друг друга.

П а ш а. По болоту идем, идти за мной шаг в шаг, след в след. Не отставать.

И з р а и л ь. Как же мы пойдем? Я с Сарой вот.....

П а ш а. След в след, я сказал, или провалится ваша Сара к чертовой матери. *Идут один за другим вереницей: молчаливые фигуры, плеск воды, чавкающие звуки, крик какой-то птицы, напряженное дыхание усталых немолодых людей. Светает. Стелется молочный туман.*

Отбой! Товарищи евреи, на острове отдыхаем до темноты. Имейте в виду, если и дальше будете так тащиться, к весне дойдем.

Люди разбредаются по поляне. Паша ложится, шапку на ухо, спит.

Подходит Рубик.

Рубик. Павел.....

Паша. Ну?

Рубик. Они сала не едят.

Паша. Кто “они”?

Рубик. Яша, Зяма, Глезер и Михель, муж сестры.

Паша. Значит, с голоду помрут. Жизненной силы не будет. Что такое сало? Жизненная сила свиньи. Свинья нам свою жизненную силу отдает.

Так и скажи.

Рубик. Говорил. Другими словами.

Паша. А они что?

Рубик. Не едят.

Паша. Скажи — Бог в таких случаях позволяет. И их Бог, и наш Бог.

Рубик. Говорил.

Паша. И что?

Рубик. Не едят.

Паша (*равнодушно*). Ну так помрут. (*Встал; громко.*) Товарищи евреи, перед тем как дальше пойдём, все лишнее вон под те кусты. Здесь никто не бывает, потом заберете. После войны заберете. Оставляем то что на себе и харчи. Остальное — в кусты. Ясно говорю?

Голоса. Ясно..... Что тут не понять.

Поздний вечер. Болото. Вереницей темные фигуры, тяжелое дыхание, тихий плеск. На краю неба вспыхивает ракета.

Паша. Шаг в шаг, след в след.....

Рубик. Шаг в шаг, след в след.....

Зяма. Герчик, брось мешок! Я тебе говорю, Герчик, не будь упрямый..... брось мешок!

Одна из фигур теряет равновесие, слышен сдавленный вопль, шум падающего тела, громкий плеск воды, сдавленный женский крик.

Паша. Не останавливаться! Без паники! Что тут сделаешь? Ничего не сделаешь. Тихо! Шаг в шаг, след в след.

Рубик. Шаг в шаг, след в след.....

День. Опушка леса, кусты. Негромкий женский плач.

П а ш а. Тихо! Как мыши сидим. Чтоб ни писка. Место плохое.

Р у б и к. По Герчику плачут.

П а ш а. Что Герчик? Тут уже плачь не плачь. Забыли про Герчика. Мертвые за собой тянут. Так моя бабка говорила. Спать будем. Сало-то едят?

Р у б и к. Едят. *(После паузы.)* Глезер спрашивает: где ложки схватить?..

П а ш а. Какие ложки?!

Р у б и к. Серебряные!

П а ш а. Я сказал — на острове! *(После паузы.)* Пусть у Герчика спросит — тот на дне болота сховал. *(Подошел к Глезеру.)* У тебя, что ли, ложки?

Пауза.

Г л е з е р *(виновато трясет головой).* Кому нужен? Кому я нужен?

П а ш а *(взял его торбу, взвесил на руке).* Килограмма два будет, совсем сдурел! Куда хочешь, туда и ховай, чтоб только я не видел. Увижу — в болото кину, хоть ты мне вешайся.

Г л е з е р *(причитает).* Раньше “хотите бобрик, хотите испаночку?”..... У моей Розочки волосы — золото, а не волосы. Такой перманент, такой перманент! Помните мою Розочку? Пальцы вон сводит, опухли..... Кому я нужен? Кому? Лучше уж как Герчик! Лучше как Герчик.

Г о л о с а. Тихе..... Тихе.....

П а ш а. Цыц! Как мыши сидим!.....

Р у б и к. Зяма ушел.

П а ш а. Куда?

Р у б и к. В деревню.

П а ш а. Кто разрешил? Черт вас всех побери!

Р у б и к. У него кое-что тоже осталось. Сказал: чем вот так бросать, лучше на еду поменяю.

П а ш а. Какая еда? Там деревня поганая! Есть хорошие деревни. А есть поганые.

И з р а и л ь. Что со старого человека возьмешь? Ну, пошел старый человек поменять три серебряные ложки на пять яиц и пару кусков хлеба.

П а ш а. Откуда вы на меня свалились? Господи боже мой! Легче десять “языков” взять и в отряд приволочь, чем с несколькими евреями справиться!

Доносятся выстрелы.

(После паузы.) Уходим до темноты... Здесь уже нельзя. Слышишь, Рубик.....

Берешь половину, идешь по тому краю..... Я с этого пойду..... Вон в том леске встречаемся.

Г л е з е р. А Зяма как?

П а ш а. Думаю, ваш Зяма уже на том свете ложки меняет. На манну небесную. *(После паузы.)* Оставить все лишнее! *(Рубику.)* Это что за барахло?

Р у б и к *(с узлом в руках).* Белье. Сестре ж рожать.....

П а ш а. Половину оставить. *(После паузы.)* Послушай, Рубик..... Здесь нет ни сестер, ни братьев. Здесь граждане евреи, которых надо доставить в пункт назначения. А ты должен мне помогать. Кто здесь командир? Будешь дергаться, пристрелю на фиг. Побежишь к Зяме, поможешь ложки менять. Мертвые за собой тянут.

Небольшая группа людей пробирается через поле. Геля идет рядом с Пашей, позади плетется Михель.

П а ш а. Живот у тебя не скажу что большой.

Г е л я. Мне через месяц рожать.

П а ш а. Этого не хватало.

Г е л я. Мне еще рано, не бойся.

П а ш а. Вот и не надо спешить.

Г е л я. Я не спешу.

П а ш а. Вот и не спеши. Что, не нашла мужа помоложе?

Г е л я. Значит, не нашла.

П а ш а. Плохо искала. Сама-то вполне ничего.

Г е л я. Он умный. Он у нас учителем был.

П а ш а. Что теперь толку от этих учителей? Что они нам! *(Пауза.)* А я в Россохе учился. Двойки лопатой греб.

Г е л я. Так уж лопатой?

П а ш а. Лопатой. Мать все голосила: “Сыночка, что ж с тобой будет?!” Двоих моих дружбанов уже поубивали.

Г е л я. Я там была несколько раз, в Россохе...

П а ш а. Может, встречались.

Г е л я. Может и встречались.

П а ш а. Да нет, не встречались. Я б тебя запомнил. *(Оглянулся.)* Да что он все руками махает?

Г е л я. Очки на болоте потерял.

П а ш а. Понятно. *(Всматривается в даль.)* Видишь, они уже на месте. Шустрый у тебя братец.

Г е л я. Рубик? Да.....

П а ш а. А ну подтянулись! *(Оглянулся.)*

Израиль и Сара сидят на земле.

Давай веди учителя своего. *(Вернулся к Израилю и Саре.)* Что тут у вас?

С а р а. Израиль, скажи ему, Израиль, мы не пойдем.

П а ш а. Как это не пойдете?

И з р а и л ь. Не пойдем.

П а ш а. Нас тут за километр видно. До леса всего ничего. А ну встать!

И з р а и л ь. Я вам в прадеды гожусь, мальчик.

П а ш а. Встать!

С а р а. Вы посмотрите на его ноги, посмотрите на его ноги!

П а ш а. Надо встать..... Нас за километр видно..... Надо встать.....

(Поднимает Израиля, взваливает себе на плечи.)

И з р а и л ь. Тяжелый я, мальчик..... Годы на меня давят.....

П а ш а *(сдавленно).* Ничего, дойдем...

В лесу. Ночь.

С а р а. Израиль умер! Израиль умер!

П а ш а *(вскакивает).* Как это умер?

Г л е з е р. Слава Богу, умер! Слава Богу, своей смертью умер. Как человек!

Р у б и к. Что делать будем?

П а ш а. Как что? Могилу копать, чтоб по-людски. Как у вас хоронят?

Р у б и к. Как везде.

П а ш а. Вот и сделаем, как везде.

Р у б и к. Чем копать?

П а ш а *(насмешливо).* Вот где ваши ложки быгодились.

Г л е з е р. Одна осталась.

П а ш а. У кого?

Г л е з е р. У меня.

П а ш а. Вот ей и копайте. *(Вынул из-за голенища нож, вонзил в землю.)*

Там же через два часа.

Г л е з е р *(причитает, к нему присоединяются другие, и уже непонятно, кто говорит).* Хороший был человек Израиль Рубин, все у него было, дом был, жена была, восемь детей..... Стада тучные, нивы обильные..... Внуков несть числа. Дочери в Ленинграде..... В Караганде..... В Витебске.....

Сыновья в Красной Армии... Младший поехал в Минск учиться. Помоги, Боже, им выжить в этой войне..... Хорошую жизнь прожил Израиль Рубин, хорошую смерть заслужил. Своей смертью умер. Как человек.

П а ш а. Собираемся, пошли. Ночь кончается.

В темноте движутся молчаливые фигуры.

Почему вдова одна идет? За вдовой смотрите.

Вечер. Лесок на пригорке. Г е л я подходит к П а ш е.

Г е л я. Хороший человек был Израиль.

П а ш а. Забыла.

Г е л я. Как забудешь.....

П а ш а. Я сказал — забыла. Хочешь выжить — забыла, что было вчера.

Г е л я. Я к реке схожу, помоюсь?

П а ш а. Ты что, сдурела? Нельзя.

Г е л я. Вот же река, рядом.

П а ш а. Даже думать не смей.

Г е л я. Строгий ты, строже Рубика.

М и х е л ь. Гелька, ты где?

Г е л я. Здесь я, спи.

П а ш а. Если в профиль не смотреть, не скажешь, что беременная.

Г е л я (*смеется*). А ты в профиль не смотри.

П а ш а. Повернешься, так да, арбуз проглотила.

Г е л я (*смеется*). Арбуз! Ты не смотри. (*После паузы.*) Бабье лето.....

П а ш а. Что?

Г е л я. Бабье лето. Видишь? Паутина летает..... тихо так..... прямо не скажешь, что война.....

П а ш а. Ага! Слушай..... (*Приложил ухо к земле.*) Слышишь?

Г е л я (*ложится рядом, слушает*). Ничего не слышу.

П а ш а. Слушай.....

Г е л я. Гул?..

П а ш а. Фронт.

Г е л я (*после паузы*). Что у тебя на руке?

П а ш а. Сама видишь, я весь изрезанный. За “языками” хожу. Даже наган не беру. Ни к чему..... Нож..... (*Вытащил из-за голенища нож и тут же засунул обратно.*) Беременным на это смотреть не полагается.

Г е л я. А на что полагается?

П а ш а. Смотри на цветы, на деревья. Хочешь, чтоб пацан сильный был, прижмись к какому-нибудь большому дереву, к дубу.

Г е л я (*после паузы*). Здесь такого нет.....

П а ш а. Ну, в другой раз прижмешься. (*После паузы.*) Короче, напорюсь на немца, если несколько — нож в кусты. А что? Парень идет по своим делам. А если немец один..... Волоку в отряд.

Г е л я. Как?

П а ш а. Не твоего ума дело. Видишь, весь изрезанный. Дядька без меня бы пропал. Как-то майора взял.

Г е л я (*восхищенно*). Майора?

П а ш а. Майора!

М и х е л ь. Гелька! Гелька! Ты где?

Г е л я. Здесь я, Михель, спи. (*После паузы.*) Какая у тебя рука большая. Прямо как лопата.

П а ш а. А у тебя маленькая. Что ж ты такими руками делать можешь?

Г е л я. Что надо, то и делаю.

П а ш а. А корову подоить?

Г е л я. Надо, так и подою.

П а ш а. Говорят, на евреев все работают.

Г е л я. Дураки, вот и говорят.

Доносится бормотание Михеля.

П а ш а. Что он там все бормочет?

Г е л я. Это на идише. Как очки потерял, так и заговаривается.

М и х е л ь. Их фарстэйнит вос туцах/ Вос? Вос туцах? Вос?¹

П а ш а. Молодого не нашла.

Г е л я. Значит, не нашла.

П а ш а. Плохо искала. Красивая. Вполне.

Г е л я. Ну уж, красивая..... особенно теперь. (*Смеется.*)

П а ш а (*после паузы*). Тише.....

Доносится отдаленная немецкая речь.

М и х е л ь (*бормочет*). Вос туцах? Вос?

П а ш а. Тихо! Рубик, заткни ему пасть! Все, ховаемся!

Г о л о с а (*шепчут*). Тихо! Тихо!

П а ш а (*обнимает Гелю, прижимает к земле, шепчет*). Вот пошла бы помывться! Помылась бы! От души!

¹Я не понимаю, что происходит. Что? Что происходит? Что?

Немецкая речь ближе, ближе, слышен смех, плеск воды. Совсем близко. Михель закашлялся. Рубик наваливается на него, зажимает ему рот. Голоса удаляются, все стихло. Рубик отпускает Михеля, тот тяжело дышит. Потом опять начинает что-то бормотать.

Г е л я (после паузы). Убери руку.....

П а ш а. Не нравится?

Михель бормочет громче.

(Раздраженно.) Рудик, да заткни ты его!

М и х е л ь. Гелька, Гелька..... Ты где?

Г е л я (встает). Здесь.

П а ш а. Ревнует. Моложе не нашла.

Геля идет к Михелю, садится рядом.

М и х е л ь. Где ты была?

Г е л я. К речке хотела пойти, помыться.

Лес. Ночь. Неподвижные темные фигуры. Молчание.

Г л е з е р. Где мальчик?

Р у б и к. Ушел.

Г л е з е р. Куда?

Р у б и к. Придет.

Г л е з е р. А если нет?

Р у б и к. Придет. Спите.

С а р а (без выражения). Скоро-скоро все отоспимся.

Появляется П а ш а.

Р у б и к (бросается к нему, с облегчением). Пришел!

П а ш а. Что, думал, утек от вас?

Р у б и к. И не думал.

П а ш а. Думал, думал. Нет, не утек. Где там у тебя было белье это?

Р у б и к. Сейчас! Сейчас! Гелька!

П а ш а. Не суетись. Лоскут оторви подлинней, чтоб перевязать.....

Р у б и к. Гелька!

П а ш а. Беременным на кровь смотреть, ты что! Нельзя, бабка говорила.

Сам перевяжешь. Крови много, а так рана пустяковая. Может, крови боишься?

Р у б и к. Да нет.....

П а ш а. Что ж задрожал? А? Рубик, Рубик!

Рубик перевязывает ему руку.

Потуже завяжи. Бантиком. Умеешь бантиком? Будет давить, послаблю. Еще разок обмотай..... Не жисься. Фронт от леса отошел, немец кругом, лесом пятьдесят кэмэ топать, и еще неизвестно, что там. С этими пятьдесят кэмэ не протянешь, второй день не жрем, и неизвестно, что там. Немец кругом, всех потеряем. Пойдем напрямик, по реке, как настоящие фраера. А что? По реке кусты, ивняк, камыш. Метров двадцать друг от дружки. Товарищи евреи, идем по реке, от одного до другого двадцать метров.....

Г л е з е р. Как же мы посчитаем двадцать метров?

П а ш а. Я посчитаю, на глаз. Если кто вдвоем, иди вдвоем. Остальные по одному. Если что, залегай в камыши и не пикни. Тут уж каждый о себе сам думай. Каждый помни — река к своим выведет. Иди по реке и придешь.

Рубик первый, я буду замыкать. Свистеть буду, если что..... Вот так.

(Свистнул.) По-птичь..... Услышал свист — залег. Опять свищу — встал и вперед. Рубик, пошел! *(После паузы.)* Следующий.....

На реке. Изредка сигнальные ракеты освещают небо. Доносятся одиночные выстрелы, немецкая речь. В камышах движутся темные силуэты. Птичий свист, автоматная очередь. Силуэты растворяются в ночи, через какое-то время появляются опять.

П а ш а нагоняет двоих.

П а ш а. Кто?

Г л е з е р. Яков Глезер.

П а ш а. Сара здесь?

С а р а *(хрипло)*. Здесь я.

П а ш а. Живая?

С а р а. Живая.

П а ш а. Хорошо.

С а р а. Что хорошего? Что хорошего? Что?

Г е л я тащит на себе М и х е л я.

М и х е л ь. Брось меня, я не дойду.....

Г е л я. Дойдешь.

М и х е л ь. У меня в боку, как ветер.....

Г е л я. На реке ветер.

Михель. Это другой ветер. (*Бормочет.*) Их горнист нитфарстэйн². Вос?

Вос туцах?!

Геля. Тише, тише.....

Михель. Не дойду..... Я, кажется, ранен, Гелька.....

Геля. Дойдешь, Михель, дойдешь, потерпи.....

Михель наваливается на нее всей своей тяжестью.

Ой, Михель.....

Михель опять бормочет.

Михель (*еле идет*). Вос? Вос туцах?!

Геля. Тише..... Уймись!

Михель. Ты молодая, тебе жить..... (*Резко уходит в сторону, скрывается из виду.*)

Слышен всплеск воды.

Геля. Михель..... Ты где, Михель!

Ее нагоняет Паша.

Михель!

Паша. Не оглядывайся..... Иди.

Геля. Где Михель?.. Михель!

Паша. Иди.....

Геля. Где Рубик?

Паша. Иди.....

Геля (*остановилась*). Не могу.....

Паша поднимает ее на руки, несет.

Голос. Кто? Стой, стрелять буду!

Врач, усталый, злой, в залитом кровью халате поверх гимнастерки.

Врач. Что за чудо? Откуда тут беременная?

Паша. Ты давай работай! Работай! Я из тебя такую решетку сделаю! Мало не покажется!

Врач. Да ладно..... Кто она тебе?

Паша (*после паузы*). Никто.

Появляются Яша Глезер и Сара.

Глезер (*плачет*). Наши, Сарочка, наши!

Сара. Ну и что с того? Что с того?

Глезер. Я ж тебе такой перманент сделаю! Такой перманент!

²Я ничего не понимаю.

История вторая

М а р и я.

Г е л я.

Р у б и к.

Г л е з е р.

С а р а.

К о н о в а л о в.

Р и т а.

К а т я.

Х е л ь м у т.

В а с ь к а.

К о р ш у н о в.

К л а в д и я С е м е н о в н а.

М а р и я. Здесь, на тарелке, вареный рис с сушеными фруктами. Для православных это кутья. Пусть это будет кутья — еда памяти для православных. Для мусульман это будет сладкий плов, пусть это будет сладкий плов. Для евреев пусть это будет просто сладкое блюдо — цимус. Вспомним мою маму, тетю Риту, дядю Рубика, вспомним, какие они были, вспомним всех.

Я родилась на второй день после того, как мама перешла линию фронта, в полевом госпитале. За несколько месяцев до конца войны мама приехала в освобожденный Минск и разыскала свою двоюродную сестру Риту, которая работала в кордебалете Оперного театра. Театр еще восстанавливался, но репетиции уже шли.

Это очень радостная сцена. И хоть временами девушки плачут, вся она проникнута атмосферой молодости и предчувствия счастья.

Радостное, сияющее, солнечное утро. Г е л я и Р и т а лежат в постели, шушукуются и смеются, как могут шушукаться и смеяться только девушки или очень молодые женщины.

Г е л я. Никогда?

Р и т а. Никогда!

Шепчутся, смеются.

Г е л я. Он мне всегда глаза закрывал, вот так.

Р и т а. Ты что?

Г е л я. Ага! Вот так! *(Закрывает глаза ладонью.)*

Р и т а. Он же старый был.

Г е л я. Не старый, пожилой.

Р и т а. Вот так? *(Закрывает глаза ладонью.)*

Смеются.

Тише, Машку разбудим.

Г е л я. Да ее пушками не разбудишь. *(После паузы.)* Я думала, никогда больше не смогу смеяться.....

Р и т а. Люди всегда смеются. Когда мы из Минска бежали, знаешь какая была бомбежка! Ужас, не передать, тоже думала — больше не смогу смеяться. А вечером с подружкой, с Лялькой Поплавской, она в эвакуации за снабженца замуж вышла, так мы с ней так хохотали, думали, живот лопнет..... люди всегда будут смеяться. Жить-то хочется. Ну, а дальше.....

Г е л я *(что-то прошептал ей на ухо).* Ей-богу..... Он проходит рядом, а у меня по телу прям дрожь, прям ток идет.....

Р и т а. Вот и у меня так. Прям ток!

Г е л я. Я о нем потом думала, поверишь — все время. Засыпаю — думаю, просыпаюсь — думаю..... Перед глазами стоит.....

Р и т а. А сейчас?

Г е л я. Да и сейчас. *(Смеется, зарылась в подушку.)* Вот увидишь, он меня найдет.

Р и т а. Я тоже думаю, найдет.

Г е л я. Я к Михелю как к отцу относилась..... Я уже и его лица не помню..... *(После паузы.)* А как твой? Расскажи, как твой?

Р и т а. Какой он мой? Ты что! *(После паузы.)* Только никому, ладно?

Г е л я. Да кому я скажу?

Р и т а. Твой красивый был?

Г е л я. Красивый. А твой?

Р и т а. Мой — это что-то..... глаза..... ну как фиалки. Блондин. Помнишь, “Сестра его дворецкого”?

Г е л я. Ну-у?

Р и т а. Копия!

Г е л я. Так он что, просто смотрит?

Р и т а. Просто смотрит.

Г е л я. А ты?

Р и т а. И я смотрю..... Ну не так чтобы все время..... Иногда брошу взгляд — он смотрит. А у меня мурашки, прям ток.

Г е л я. Часто его видишь?

Р и т а. Каждый день.

Г е л я. Где?

Р и т а. В театре.....

Г е л я. Он там работает?

Р и т а. Да..... На стройке.....

Г е л я (*после паузы*). Ритка! Он из пленных? Он немец? Да?

Рита утвердительно трясет головой.

Как же ты можешь, Ритка?!

Р и т а. Что?

Г е л я. Как ты можешь на него смотреть?!

Пауза.

Р и т а. Ты Бетховена любишь? “Лунная”, “Аппассионата”.....

Г е л я. Люблю.....

Р и т а. А Гете? “Кто скачет, кто мчится под холодной мглой, ездок запоздалый, с ним сын молодой.....”

Г е л я. Так Михель, мой муж, говорил..... (*После паузы.*) Все равно, Ритка, нельзя! Он немец! Нельзя на него смотреть! Нельзя! Может, когда-нибудь..... А теперь нельзя!

Р и т а (*после паузы*). Он мне записку подбросил.....

Г е л я. Господи! Какую записку? Какую записку! (*Оглядывается.*)

Р и т а. Да не пугайся ты так. Я мимо шла, он мне под ноги бросил, шарик такой бумажный. Да там всего одно слово.

Г е л я. Какое слово?

Р и т а. “Милая”..... “Ми-лая”..... Я — милая.....

Г е л я. Нельзя! Нельзя!

Театр. Комната, приспособленная под балетную раздевалку. К а т я и Р и т а передеваются после репетиции.

К а т я. Рит, приходи вечером, Васька патефон принесет. У него одна пластиночка просто шикарная. Он друга приведет, тоже военного, посидим, посмеемся, скоротаем вечерок.

Р и т а. Катя, у меня туфель нормальных нет. Вон посмотри! (*Протянула ногу.*)

К а т я. Слушай, тут один парень, из пленных, так обувь чинит — блеск! Сам красавчик, пошли отведу, тут рядом. *(После паузы, глядя на Риту.)* Что ты так испугалась? Ну и что, что пленный? Что он, не человек? Не съест он тебя. Пошли, пошли! *(Энергично хватая ее за руку.)* Он сейчас в библиотеке работает.....

Помещение, в котором до войны была театральная библиотека. Теперь здесь идет ремонт. В углу свалены ноты. Х е л ь м у т сколачивает полку. Входят К а т я и Р и т а.

К а т я. Битте, битте..... Фрау..... Туфли! Туфли! Каблук!

Х е л ь м у т. Gut, gut.....

К а т я. Битте, битте..... *(Усаживает Риту на табурет, заставляет снять туфлю.)* Ты посидишь, он тебе с ноги..... *(Размахивает туфлей перед лицом Хельмута.)* Битте, битте!

Х е л ь м у т. Gut, gut. *(Берет туфлю.)*

К а т я. Я с ними уже давно наблатыкалась. Чего с ними церемониться. Ты посиди, я мигом, тут Васька недалеко. *(Убегает.)*

Хельмут чинит Ритину туфлю. Оба не смотрят друг на друга, напряжены. Хельмут неловко ударяет молотком, ушибает палец. Рита вскрикивает. Опять молчание. Наконец туфля починена, Хельмут становится на колени и надевает ее Рите на ногу. Смотрит ей в глаза.

Р и т а *(смущена, быстро встает, уходит и тут же возвращается).*

Спасибо.

Комната Кати. Вечеринка в разгаре. Патефон играет фокстрот. В а с я танцует с К а т е й, Р и т а с К о р ш у н о в ы м.

В а с я. Я ему: обещал, значит, давай..... Я ж ему две пачки сигарет.....

К а т я. Нельзя вперед.

В а с я. Ради тебя чего ж не сделаешь. Я ему: слушай, я ж могу и не сдержаться. Ты ж меня знаешь, Катюха!

К а т я. Знаю, Вася, знаю.....

В а с я. Я ж могу!

К а т я. Можешь, можешь.....

В а с я. Еще осталось?

К а т я. Четверть бутылки.

В а с я. Развела, знаешь, как детям.

К а т я (*смеется*). А ты хотел чистый спирт?

В а с я (*бесцеремонно проводит рукой по ее спине и ниже*). А кто его не хочет, чистый спирт?

К а т я (*бьет его по руке*). Ишь чего захотел!

Танцуют.

В а с я. Ну иди, неси свою четверть. Спрятала, небось, куда в погреб.

К а т я. Конечно спрятала.

В а с я. Иди неси!

К а т я. А там темно!

В а с я. Коршунов, давай посвети. Чтоб мыши подружку не украли. (*Ему на ухо.*) И подольше провожайся. Девка хорошая. Знаю, о чем говорю. (*Опять шлепает Катю пониже спины, она со смехом отбивается.*) А я тут пока с Ритулкой потанцую. Страсть как балетных люблю.

К а т я и К о р ш у н о в у х о д я т.

(*Ловко защелкивает дверь на щеколду.*) Балетные — это тебе не хухры-мухры. Фигурки у них. Покажь фигурку-то! (*Тискает Риту.*)

Р и т а. Отойдите! Оставьте меня!

В а с я. Да не ломайся ты, жидовочка! Мы это по-быстрому.....

Рита бьет его по лицу.

Ах ты дрянь! Я ж за тебя кровь проливал! Я ж весь контуженый. Теперь с этой пленной немчурой возись! Ах ты сучка! (*Бьет Риту, бросает на кровать.*)

Стук в дверь.

К а т я (*голос*). Эй, что вы там закрылись? Мы бутылку принесли!

В а с я. Мы это по-быстрому.....

К а т я. Васька, а ну открывай! Открывай, сволочь! (*Вышибает дверь ногой, влетает.*) Сволочь!

В а с я (*неохотно отпускает Риту*). Да ладно тебе, Катюха...

К а т я (*швыряет бутылку, водка течет по полу*). Пошел вон! Пошли все вон! (*Бурно рыдает.*)

В а с я. Да ладно.....

Вася и Коршунов идут к двери.

(*По дороге наклоняется, макает палец в водочную лужу, сует в рот, горестно крикает.*) Подумаешь.....

К а т я. Пошел вон!

П а р н и у х о д я т.

(Плачет.) Вот и скоротали..... ве-че-рок.....

Рита встает с кровати, запахивает кофточку, оправляет юбку, снимает туфлю, бьет ей по железной спинке кровати, пока не отрывается каблук.

Что ты делаешь?

Р и т а *(с вызовом)*. Каблук отломала!

Библиотека. Х е л ь м у т занят ремонтом. Входит Р и т а. Хельмут оборачивается, делает несколько шагов навстречу, он взволнован. Они смотрят друг на друга. Пауза. Рита протягивает ему туфлю, садится на табурет. Хельмут прибывает каблук. Рита протягивает руку, чтобы взять туфлю.

Х е л ь м у т *(накрывает ее руку своей рукой)*. Mein Herz... Mein lieber... Mein lieber... Ich denke an dich Tag und Nacht³...

Комната девушек. За столом Г е л я и Р у б и к в военной форме. Его левая рука на перевязи, кисть в кожаной перчатке. Он ест кашу, она смотрит на него. Через открытое окно временами доносятся детские голоса и смех.

Р у б и к. Не смотри на меня так, я есть не могу.....

Г е л я. Получила твою открытку, не поверила.

Р у б и к. Что не верить, вот он я.

Геля плачет.

Не хнычь, а? *(Прислушался к голосам за окном.)* Вон какую красавицу родила. Видели б папа с мамой.

Г е л я. Я ничего..... Ты ешь, ешь..... Ты другой какой-то.....

Р у б и к. Так война. Побросало.

Г е л я. Вырос. Взрослый совсем. Совсем мужчина. *(Опять плачет.)*

Р у б и к. Слушай, ну что ты болото развела!

Г е л я. Я ничего..... Помнишь, как мы по болоту шли?

Р у б и к. Что там помнить..... Забыть надо, а не помнить.

Г е л я. Ой Ру-бик! Ты ешь, ешь!

Р у б и к. Как там Ритка?

Г е л я. Хорошо. А помнишь, как она нам танцевала в сарае, еще до войны?

Ой Рубик, покраснел! Как был мальчишка, так и остался.

Р у б и к *(мрачно)*. Слышал, шуры-муры у нее тут.....

³Сердце мое... Моя милая... Моя милая... Я думаю о тебе днем и ночью...

Г е л я. С кем?

Р у б и к. В том-то и дело — с кем..... С пленным немцем!

Г е л я. Да кто тебе это сказал?

Р у б и к. Люди доложили!

Г е л я. Рубик, и впрямь ты изменился..... Не успел приехать, а уже то знаешь, чего я не знаю.

Р у б и к. Знаешь. Говорить не хочешь. *(Взял туфли, стоящие у Ритиной кровати, рассматривает подметку.)* Вон как сработал. С любовью.....

Г е л я. Да нет там ничего! Что там может быть!

Р у б и к. А, знаешь, о чем говорю! *(Зло швырнул туфлю в угол.)*

Г е л я. Рубик! Мы три года не виделись! Мы столько пережили! А ты? О чем ты?!

Р у б и к. Вот об этом! Я об этом!

Вбегает Р и т а.

Р и т а. Рубик! *(Бросается ему на шею.)* Мне только сказали, что ты приехал! Ну? Покажись!

Р у б и к. Кра-са-вец!

Р и т а. Главное — живой! Знаешь как теперь все хорошо будет! Главное — живой! *(После паузы.)* Ну, вы уже здесь обо всем переговорили, чаю попили..... У меня тут тоже кое-что есть.... *(Достала из тумбочки.)*

Американский шоколад! *(После паузы.)* Что это вы... какие-то...

Р у б и к. Ничего, нормально.

Р и т а. А, Гелька?

Г е л я. Ничего.....

Р у б и к *(поднимает туфлю).* Хорошо сработано.

Р и т а *(после паузы).* Да, на мне они просто горят.....

Р у б и к. Ничего, он прибьет!

Раздевалка в театре. Р и т а собирает вещи в сумку, К а т я курит.

К а т я. Давай быстрее! Что ты копаешься! И все думает о чем-то, думает! О чем ты думаешь?

Р и т а. Ни о чем. Так.

Входит К л а в д и я С е м е н о в н а, останавливается, тоже закуривает.

К л а в д и я С е м е н о в н а. Что, девочки, по домам? А вот куришь ты зря, Катенька. Я пока танцевала, не курила.

К а т я. Я до войны тоже не курила.

К л а в д и я С е м е н о в н а. Да, девочки, все война, все война, чтоб ей провалиться. Гречку получили?

К а т я. Получили.

К л а в д и я С е м е н о в н а. Через неделю обещают мясные консервы. Я им говорю: мои девочки вам не шпалы укладывают. Мои девочки самую свою святую жизненную энергию тратят. Им питаться надо. Не хлебом и не картошкой..... Они не свиньи, не коровы — вес нагонять. Им калорийно надо, мало, но калорийно. Они у меня райские птички. Правду говорю?

К а т я. Правду, правду, Клавдия Семеновна.

К л а в д и я С е м е н о в н а. Все война, чтоб ей провалиться. Если б не война, вы б у меня в бархате ходили, в жемчугах и шоколад лопали. *(После паузы.)* Ножку тяни, Катенька, а ты, Ритуль, следи за головкой. Что-то она у тебя все падает.

К а т я. Где ж энергию взять, Клавдия Семеновна? У Ритки вон на шее двое — сестра с дочкой.

К л а в д и я С е м е н о в н а. Ничего, девочки, будут вам мясные консервы, может, уже к концу месяца. *(Уходит.)*

К а т я *(потушила сигарету, взяла сумку, глянула в окно).* Вон. Опять.

Р и т а *(смотрит в окно).* Что?

К а т я. Ходит, высматривает.....

Р и т а. Рабочий.....

К а т я. Да ладно прикидываться! Рука в этой жуткой черной перчатке.

Р и т а. Это мой двоюродный брат Рубик.

К а т я. Знаю я этих “братьев”! Ой, Ритка, смотри, чтобы беды не было. Я беду носом чую. Думаешь, такая для меня радость с Васькой по ночам прыгать. *(После паузы.)* Думала, не прощу? А что тут прощать или не прощать? Кобели они и есть кобели. Просто я побольше тебя видела. Наголодалась и нахолодалась. Пока этот вокруг крутится, не ходи к своему Гансу.

Р и т а. Он не Ганс.

К а т я. Для меня они все Гансы. Наши для них Иваны, а они для нас Гансы.

Р и т а. У меня вон балетки совсем порвались.....

К а т я. Мое дело предупредить, я беду носом чую. *(После паузы.)* В другое бы время мы с тобой в бархате ходили, французскими духами обливались, ванну из шампанского принимали.

Р и т а *(все же увлечена).* Ну, Катька, ты фантазерка!

К а т я. А ты нет? Небось смотришь на этого своего Ганса и представляешь домик под черепичной крышей, кружевную скатерть и струдель с изюмом.

Р и т а. Ну ты что-то уже совсем. Я комсомолка.

К а т я. Тогда Фауст и Маргарита! Опять нет? Средневековый замок на крутом берегу Рейна..... Короче, цветы! Цветы кругом! Аплодисменты! “Жизель”! “Спящая”! “Лебединое”! Ручка, головка, ручка..... “Разрешите шубку на плечи? Вы восхитительны, мадемуазель! Мадемуазель, браво! Мадемуазель, вы прелестны!” *(После паузы.)* А ведь я тоже комсомолка. Ненавижу вонючего Ваську!

Библиотека. Хельмут чинит чьи-то ботинки, рядом стоят уже готовые начищенные сапоги. Тихо, явно робея, входит Рита, протягивает ему балетки, садится. Хельмут откладывает прежнюю работу, берется за балетки.

Р и т а *(смотрит, как он работает)*. Ihr Name ist Hans?⁴

Х е л ь м у т. Nein. Ich bin Helmut⁵.

Р и т а. Меня..... Name ist Margarita⁶.

Х е л ь м у т. Margarita... Wie merkwurdich!⁷ Мар-га-ри-та.....

Р и т а. Я не понимаю.....

Х е л ь м у т. Margarita..... “Faust”.....

Входит Рубик.

Р у б и к *(насмешливо)*. Прямо голуби!

Р и т а *(растерянно)*. У меня балетки порвались.....

Р у б и к. А он зашил?

Р и т а. Да..... зашил.....

Р у б и к. Это мы сейчас проверим. *(Берет балетку, рвет.)* Плохо зашил!

Р и т а. Рубик!

Р у б и к. Мы его сейчас научим, как надо зашивать! Научим! А ну лечь, фашистская гадина!

Хельмут ложится.

Встать!

Хельмут встает.

Лечь! Встать! Лечь! Встать!

⁴Тебя зовут Ганс?

⁵Нет. Я Хельмут.

⁶...зовут Маргарита.

⁷Как странно!

Хельмут ложится, встает, ложится, встает.

Р и т а. Ру-бик!!!

Р у б и к (*распалаясь все больше*). А это что? Что тут у него? (*Хватает с полки ноты, смотрит.*) Бетховен! Шуберт! Все фашисты! Все фашисты!

Р и т а. Это партитуры! Наши!

Р у б и к (*в неистовстве рвет партитуры, топчет ногами*). Вот тебе твой Шуберт, вот тебе твой Бетховен! Вот тебе твои партитуры! Лечь! Шнель!

Хельмут ложится.

Встать!

Он встает.

Лечь!

Он ложится.

Встать!

Истощенный Хельмут не может подняться.

Встать! Кому говорят, встать! Шнель! Шнель! (*Здоровой рукой хватает Хельмута за шиворот, поднимает, прижимает к стене, трясет, чуть ли не душит.*) Встать, сука!

Р и т а (*кричит*). Рубик!!!

Появляется В а с я.

В а с я. Что тут? В чем дело? (*Козырнул.*) Капитан!

Р у б и к. Гадину фашистскую жизни учу.

В а с я (*посмотрел на всех, ухмыльнулся*). Виноват?

Р у б и к. Виноват!

В а с я (*взял сапог, глянул на подметку*). Кадр-то он нам полезный. Но если виноват, значит виноват. Разберемся.

Комната девушек. Р и т а лежит на кровати лицом к стене. Рядом сидит Г е л я.

Г е л я. Рита... Ритуня..... Рит, поешь, а? Катя мясные консервы принесла. Я такой супчик сварила! Еще гороху немного нашла, бросила..... Машка ела, ела, со двора прибежит и опять просит. Такой супчик! Можно поверить, что Исав отдал свое первородство за чечевичную похлебку, если она была такой, как этот суп. (*После паузы.*) А что он молчит? Что молчит? Молчит, значит виноват. Это все знают. Васька сказал — сам виноват, молчит, хоть тресни! (*После паузы.*) А Рубик? Рубик — герой, контуженый, руку потерял..... Рит, поешь, а?

Р и т а (*оборачивается*). Слушай, отойди от меня! (*И опять лицом к стене.*)
Молчат.

Г е л я. Васька говорит, отвечать надо было. Как-нибудь бы отбрехался.
Васька ему два зуба выбил, теперь жалеет. Отвечать надо было, а он молчит.
А Рубик..... (*После паузы.*) Помнишь, как ты к нам до войны приезжала? А?
В сарае танцевала..... Как мы на реку ходили, цветы собирали, костер
жгли..... **А Рубик.....**

Р и т а. Отойди от меня!!!

Пауза. Входит Рубик, садится.

Г е л я (*после паузы*). Третий день ничего не ест, вот так и лежит..... Врач
сказал — нервный срыв. Рубик, что такое нервный срыв?

Р у б и к. Не знаю.

Г е л я. И я не знаю.

Р у б и к (*после паузы*). Проститься пришел..... Через час уезжаю.

Г е л я. Куда?

Р у б и к. На фронт.

Г е л я. Куда? Ру-бик! Ты ж израненный весь! Так и война вот-вот кончится.

Р у б и к. Пока еще не кончилась. Что мне тут с вами тараканов давить.

Место есть, при штабе.

Г е л я. Ру-бик! (*Обнимает его.*)

Р у б и к (*легонько отстраняет ее, подходит к кровати, на которой лежит
Рита*). Прощай, сестричка.

Р и т а (*глухо*). Прощай, Рубик.

Р у б и к (*после паузы, строго*). Ты еврейская девушка. Еврейская девушка
должна себя помнить. (*Ушел.*)

Пауза.

Г е л я. Риточка, ну поешь супа.

Р и т а (*поднялась на кровати, волосы рассыпаны, глаза сверкают*). Отойди
от меня! Я вам не еврейская девушка! Я — человек!

*Кабинет в горисполкоме. За письменным столом сидит Коновалов,
напротив него, на стульях, Глезер и Сара.*

Г л е з е р. Как поживаете, товарищ Коновалов? Как ваше здоровье?

К о н о в а л о в. Спасибо, вроде ничего.....

Г л е з е р. Вы нас не узнаете? Мы имели удовольствие провести в вашем
отряде целую ночь, таки да, большое удовольствие..... А теперь хотим

обратиться до вас со своей просьбой. Домик мой с парикмахерской разбомбили во время наступления Красной Армии. А тут одну мою вывеску обновить стоило круглое число. Я за одну ту вывеску Запольского два года бесплатно брил. А это, знать надо, мыло, а это, знать надо, одеколон. Одеколон не какой-нибудь, Запольский лучший требовал, “Красную Москву” требовал. Я в кооперативе работал, законы соблюдал.

Коновалов. Ну так что с того?

Глезер. Я вот интересуюсь. Компенсация какая за это следует быть?

Коновалов. Это от кого?

Глезер. Так от Красной Армии. Она ж разбомбила.

Коновалов. Что?! Что вы сказали? Компенсация? От Красной Армии?

Глезер. Тихо, я тихо. Вы не волнуйтесь так. Спросить же не грех.

Коновалов. Вон!

Глезер. Тихо, я тихо. Спросить не грех. Пошли, Сарочка, мы спросили.

Тяжело, медленно, долго идут к дверям.

(Остановился.) Только вопрос, позвольте — как жить старым людям?

Коновалов *(мрачно)*. Не знаю. Заявление напишите на бесплатные карточки за две недели. Я подпишу.

Глезер. Это хорошо, спасибо вам. Только вопрос, позвольте — а когда эти две недели пройдут? *(Пауза.)* Тихо, я тихо.

Глезер и Сара уходят. Коновалов в раздражении встает, смотрит им вслед в окно.

Стук в дверь.

Коновалов. Войдите!

Входит Геля.

Геля. Вы меня не узнаете?

Коновалов. Почему? Узнал. Что-то мне на ваших сегодня везет. Как дочка?

Геля. Спасибо, хорошо.

Коновалов. Береги. Чудом родилась, чудом должна и прожить.

Геля. Нахас. Это на идише “счастье”. Я назвала ее Мария-Нахас.

Коновалов *(после паузы)*. Ну? С чем пришла?

Геля *(робея)*. Я насчет того пленного немца, с которым у моего брата Рубика была ссора.

Коновалов. А, слышал. Как его там?

Геля. Хельмут...

К о н о в а л о в. Хельмут..... *(Перебирает бумаги на столе.)* Хельмут.....

Хельмут Хайнц. Ну так и что?

Г е л я. Сказали, он все молчал?

К о н о в а л о в. А что тут говорить? И так все ясно.

Г е л я *(после паузы).* Его..... расстреляют?

К о н о в а л о в. Зачем? Охранник перестарался немного, а так уже работает ваш Хельмут Хайнц на стройке жилого дома. Где? Знать необязательно.

Поняла?

Г е л я. Поняла.....

К о н о в а л о в. Война еще не кончилась, а они уже девку поделить не могут. Что? Красивая сестра?

Г е л я. Красивая.....

К о н о в а л о в. Ну, иди..... Партизанить легче было, чем тут с вами попусту кулаками махать. Иди.

Г е л я. О Павле вашем что-нибудь слышно?

К о н о в а л о в. Слышно, представь. Жену привез из Литвы. У него на каждой станции жена, а тут из Литвы. Своей не нашлось. Тоже вон рожать собралась. Война не кончилась, а они..... Ну иди, иди.....

М а р и я. Моя мать шла по улице и плакала, шел дождь, и никто не мог увидеть ее слез. Почему она плакала? Потому что война войной, а молодость это молодость. Молодость хочет любить. *(После паузы.)* Моя тетя Рита искала своего Хельмута среди строительных лесов и пыли, но так и не нашла. Только уже после Победы она участвовала в концерте перед пленными, отправлявшимися на родину. Ей передали, что Хельмут тоже здесь. Он видел ее, но она его так и не разглядела. Ей казалось, что она чувствует его взгляд из темноты зала. Потом уже не было даже этого.

На сцене — балетный номер. Среди танцовщиц Р и т а и К а т я. Праздничное, воздушное, невесомое кружение, “души исполненный полет”, парящей над войной, разрухой, голодом и смертью.

М а р и я. Моя тетя Рита не вышла замуж..... Она танцевала еще несколько лет, потом повредила ногу и перешла работать в Дом культуры..... всю жизнь она прожила одна. Мой дядя Рубик был ранен еще раз, долго лежал в госпитале, потом женился на русской, но не любил свою жену. Не потому что она была русской, а потому что любил тетю Риту. Так все говорили. Он умер в семьдесят первом году. Моя мать вышла замуж за инженера Якова

Семеновича Гинзбурга. Он стал мне хорошим отцом..... Они хорошо жили, но я всегда знала, что она его не любила, а потому что любила другого.....

Однажды я спросила: была ли она счастлива. Она сказала: “Да”. Она сказала: “Я была счастлива однажды утром в комнате твоей тети Риты, за несколько месяцев до конца войны”.

Смех Гели, Риты, маленького ребенка за окном.

Можно уехать за тысячи и тысячи километров, но от прошлого не уйдешь, оно всегда рядом. Будь проклято имя твое, война! Будь ты среди близких, соседей или стран. Я, Мария-Нахас, уцелевшая чудом, пришла на эту землю как посланец мира, вестник счастья. И когда рядом начали рваться снаряды, я взяла оливковую ветвь и вышла на улицы Иерусалима, города, обращенного к Миру.

Занавес